

Р. БОДЕН

ФРАНЦУЗСКАЯ И АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПЕРЕПИСКЕ А. В. СУВОРОВА*

Широко прославленный в биографиях и рассказах уже с конца XVIII века¹ как блестящий полководец и большой оригинал, А. В. Суворов гораздо менее известен как мастер эпистолярного жанра, несмотря на его объемную переписку, насчитывающую несколько тысяч писем. Лишь после ее публикации в сокращенном виде в престижной серии «Литературные памятники» в 1986 г.² наконец была признана литературная ценность этих писем, опубликованных еще в XIX в.,³ но зачастую воспринимавшихся как второстепенный источник информации о жизни и творчестве генералиссимуса. Раскрывая читателю эпистолярные таланты Суворова, непростой стиль которого воскрешает в памяти энергичность человека действия, привыкшего отдавать приказы и брать штурмом крепости, корреспонденция позволяет также пролить свет на его вкусы и предпочтения, в частности литературные. Многочислен-

* Текст доклада на симпозиуме Франко-Британской ассоциации по изучению русской культуры (Лондон, октябрь 2005 г.). С французского языка перевела Е. Голубинова в сотрудничестве с автором.

¹ Первая биография, опубликованная еще при жизни Суворова, принадлежит Иоганну Фридриху Антингу: *Anting J.F. Versuch einer Kriegs-Geschichte des Grafen Alexander Suworow Rymnikski Russisch Kayserlichen General-Feldmarschal*. Т. 1—3. Gotha, 1795—1799. Биография была вскоре переведена и опубликована в России: *Антинг И. Жизнь и военные деяния генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского с виньетками и планами*. В 3-х частях. СПб., 1799—1800.

² *Суворов А. В. Письма* / Изд. подг. В. С. Лопатин. М., 1986. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием номеров писем.

³ Первая публикация переписки Суворова принадлежит М. И. Антоновскому и датируется 1806 г. Она сопровождала публикацию трактата: *Антоновский М. И. Наука побеждать. Творение препрославившегося в свете всегдашними победами генералиссимуса российских армий, князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, с письмами, открывающими наиболее в нем величайшие свойства его души и таковые же знания военного искусства*. СПб., 1804.

ные литературные ссылки Суворова, снабженные комментариями в авторитетном издании,⁴ так и не сделались, по нашим сведениям, предметом систематического исследования. Именно этой задаче мы предлагаем посвятить настоящую статью. Полководец ссылается и на античную, и на современную ему литературу, но мы ограничимся в нашем исследовании ссылками на последнюю. Правда, случаи обращения к античной литературе также не останутся в стороне, поскольку именно они содержат аллюзии с современностью. В этом последнем случае мы ограничимся ссылками на французскую и английскую литературу, намеренно оставляя в стороне ссылки на русскую литературу и фольклор, а также на испанскую литературу (Дон Кихот — один из любимых героев Суворова — часто упоминается в его переписке⁵).

Мы начнем с перечисления литературных ссылок — французских и английских — в переписке Суворова, чтобы дать представление о его познаниях в данной сфере и, анализируя их, определить значение, которое автор уделяет каждой из литератур, а также эмоциональный регистр (лиризм, юмор, иронию), характеризующий эти ссылки. В данной работе мы попытаемся главным образом рассмотреть ссылки в их взаимодействии, чтобы понять, как автор писем воспринимал разницу между французской и английской литературами. И наконец, мы постараемся определить роль, которую играют аллюзии в выражении специфической читательской позиции Суворова, человека военного.

Из 688 писем, относящихся к периоду между 1764 и 1800 гг., по меньшей мере в двадцати шести или, быть может, в двадцати семи имеются прямые ссылки на французскую и английскую литературу. В первом случае упоминаются такие авторы, как Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье, Б. Фонтенель, Вольтер, Ж. Лафонтен и П.-О. К. Бомарше. Что касается обращений к английской литературе, то они сводятся к Г. Филдингу, на которого автор ссылается одновременно как на комедиографа и как на романиста, и к «Поэмам Оссиана» Дж. Макферсона.

Настоящие ссылки относятся к периоду между 1774 и 1800 гг., за исключением писем первого десятка лет и самых последних, датированных периодом болезни военачальника. По этому поводу можно заметить следующее. В первую очередь относительно периода 1764—1773 гг. можно предположить, что в то время Суворов еще не прочитал какие-то из тех произведений, которые он процитирует позже, хотя бы по той причине, что они были переведены на русский язык лишь в середине 70-х гг. XVIII в. Может быть также, что сохранившиеся письма, датированные данным периодом, носили недостаточно личный характер для того, чтобы их автор

⁴ Суворов А. В. Письма. С. 472.

⁵ Дон Кихот упоминается в письмах № 109, 182, 385 и 507.

мог позволить себе использовать литературные аллюзии. Наконец, положение Суворова на иерархической лестнице не позволяло ему тогда прибегать к свободному тону, характерному для его писем более позднего периода. Что же касается времени его болезни, то нам представляется, что тяжелое состояние здоровья удерживало его от желания забавляться литературными пассажами. Тем не менее одно исключение появляется в письме, датированном 11 февраля 1800 г. и адресованном А. И. Горчакову. Но что характерно, автор ссылается на античные персонажи. Поскольку именно античная культура была, по-видимому, особенно близка Суворову и бесспорно превалировала во всей переписке, она должна была сопровождать полководца в его последние минуты.⁶

В остальной части переписки ссылки на французскую и английскую литературу регулярно появляются между 1774 и 1800 гг.: на английскую — по большей части в период между 1774 и 1778 гг., на французскую — между 1781 и 1787 гг., на ту и на другую — между 1788 и 1792 гг., в период, когда Суворов чаще всего цитирует упомянутых авторов; опять на французскую литературу в 1793—1794 гг., на английских авторов в 1796-м и на французских в 1799—1800 гг. Данная таблица иллюстрирует хронологическое распределение ссылок, сопровождающихся номером письма, где они упоминаются, и уточняет характер профессиональной деятельности Суворова на каждый упомянутый период.

Дата	Ссылка на французских авторов	Ссылка на английских авторов	Профессиональная деятельность Суворова
1774		Филдинг (№ 51)	Первая русско-турецкая война 1773—1774 гг.
1778		Филдинг (№ 83)	Служба в Крыму и на Кубани
1781	Руссо (№ 109), Монтескье (№ 111)		Служба в Астрахани
1784	Фонтенель (№ 146)		Борьба за присоединение Крымского ханства к России
1787	Руссо (№ 181)		Канун второй русско-турецкой войны 1786—1787 гг. Кинбурн
1788	Руссо (№ 238, 254), Вольтер (№ 249)	Филдинг (№ 232, 238)	Вторая русско-турецкая война 1787—1791 гг., сражение на Лимане, осада Очакова

⁶ Умирая, Суворов напишет: «...я ожидать буду посещение Парков». (Письмо № 681. С. 383).

Дата	Ссылка на французских авторов	Ссылка на английских авторов	Профессиональная деятельность Суворова
1791	Лафонтен (№ 384), Руссо (№ 380)	Филдинг (№ 380)	Строительство крепостей на границе с Финляндией
1792	Вольтер (№ 416), Лафонтен (№ 417, 418)	Оссиан (№ 419)	Строительство крепостей на границе с Финляндией
1793	Вольтер (№ 459)		Строительство крепостей на юге России
1794	Лафонтен (№ 475, 479)	Оссиан (№ 506)	Польская кампания 1794 г.
1795		Оссиан [?] (№ 508)	Командование войсками в Польше
1796		Оссиан (№ 557)	Главкомандующий армией. Тульчин
1798		Оссиан (№ 584)	Опала и ссылка в Кончанское
1799	Бомарше (№ 619)		Итальянский поход 1799 г.
1800	Бомарше (№ 678)		Возвращение армии в Россию

Из приведенной таблицы можно заключить, что ссылки также распределяются по периодам войны и мира. Тем не менее напрашивается вывод, что война, стимулировавшая эпистолярную деятельность Суворова, находившегося в постоянной связи со штабом Г. А. Потемкина, с командирами других воинских частей, с коллегами по дипломатическим и военным делам, а также с двором и многочисленными его представителями, благоприствала обращению к литературным реминисценциям — к античным в первую очередь, где главенствовала фигура Гомера, и затем к современной французской и английской литературе. Во время военной деятельности, именно в период неизбежного для осады ожидания или же во время объединительных маневров, в письмах Суворова появляются цитаты и размышления о литературе. Возможно, некоторые реминисценции (например, сравнение реального лица с литературным персонажем) настолько укоренились в его сознании, что возникали даже в письмах, написанных во время военных действий. Однако один временной отрезок выделяется из всех других. Речь идет о 1791—1792 гг., когда Суворов осуществлял руководство укрепительными работами на границе с Финляндией. Задетый за живое, как свидетельствуют его письма, своим назначением на выполнение столь рядового задания, Суворов, как мы

увидим далее, прибегает к литературным ссылкам именно для выражения своей скуки.

Наконец, следует сказать несколько слов об адресатах Суворова, личность которых часто определяла выбор реминисценции. Из разных лиц, к которым адресованы все двадцать три письма со ссылками на французскую и английскую литературу, пять были друзьями, как например Осип Михайлович Рибас (письма № 238 и 459) или Василий Степанович Попов (письма № 254 и 257), иногда очень близкими, как Андрей Иванович Набоков (письмо № 51), иногда знакомыми с детства, как Петр Иванович Турчанинов (письма № 83, 109, 111 и 475); некоторые были в родстве с Суворовым, как например Дмитрий Иванович Хвостов (письма № 380, 384, 417, 418, 419, 508 и 584), супруг его племянницы Аграфены Ивановны Горчаковой. Четверо из адресатов (принц де Линь (письмо № 557), Александр Андреевич Безбородко (письмо № 416), дипломат Семен Романович Воронцов (письмо № 619) и Г. Р. Державин (письмо № 506)) были уважаемыми Суворовым знакомыми. Среди других адресатов был и Петр Александрович Румянцев, служивший образцом полководцу (письмо № 479); принц Карл Генрих Нассау-Зиген (письма № 232 и 249) был предметом его восхищения; Григорий Александрович Потемкин (письмо № 181) — уважаемым начальником; граф Федор Васильевич Ростопчин (письмо № 678) — вельможей, к которому нужно было относиться с осторожностью. Наконец, ссылка на английскую литературу встречается в письме Суворова к его подчиненному Егору Гавриловичу Цукато (письмо № 508), на французскую — в письме к одному из управляющих его поместьем Степану Матвеевичу Кузнецову, которому поручается покупка книги (письмо № 146).

Список этот также требует некоторых комментариев. Прежде всего можно заметить, что самые многочисленные ссылки находятся в письмах, адресованных близким друзьям: две — в письмах к Рибасу, две — в письмах к Попову, четыре, что особенно важно, — в письмах к Турчанинову, и пять — в письмах к Хвостову. Таким образом, очевидно, что литературные реминисценции служат для Суворова некой формой словесного выражения привязанности. В связи с этим ссылки, предложенные друзьям, являются самыми распространенными из всех, наиболее подробными. Остальные же ссылки кажутся более лаконичными, пропорционально той дистанции, которую устанавливает автор по отношению к своим собеседникам. Так, любимому начальнику Потемкину направляется длинное рассуждение о Руссо, а принцу де Линю — шутливое упоминание Оссиана. Та же ситуация с принцем Нассау, с которым Суворов пытается наладить отношения. Цитируя Вольтера и ссылаясь на Филдинга, русский полководец пытается создать особый метод коммуникации, если не интимный, то по крайней мере отличающийся от принятой в светской корреспонденции манеры письма. Что касается Ворон-

цова или Ростопчина, то они вынуждены были довольствоваться одной-единственной цитатой, о которой, как мы увидим позже, даже нельзя сказать, что она является точной ссылкой на Бомарше. В соответствии с этими разнообразными взаимоотношениями Суворов использует несколько различных методов цитирования, обусловленных моментом написания, а также тональностью письма. Именно эти методы и будут предметом нашего исследования.

Из списка тех французских писателей, на которых ссылается Суворов, мы намеренно исключили военных авторов (таких, как Тюренн или маршал Саксонский), а также историков (таких, как аббат Роллен). Будем обращаться лишь к авторам литературных произведений: Фонтенелю, Вольтеру, Монтескье, Руссо, Лафонтену и Бомарше. Перечисленные авторы названы не по времени написания их сочинений или упоминания их в переписке Суворова, но в порядке той значимости, которая уделяется им в той или иной цитате.

Таким образом, меньше всего внимания в этом списке уделено Фонтенелю. Действительно, писатель назван лишь как автор книги, которую Суворов поручает добыть своему управляющему:

«Да не дослал ты еще дюжину карт и книжку гадательную для резвости и затем хоть недорогою камер-обскуру, купи и пришли мне еще книжку Фонтенелеву о множестве миров». (Письмо № 146, 25 сентября 1784 г.).

Помимо сего занимательного и, по всей вероятности, нечаянного упоминания Фонтенеля среди списка покупок, включающего книгу по гаданию и камеру обскуру, мы обратим внимание на тот факт, что эта ссылка свидетельствует об интересе Суворова к «Рассуждению о множественности миров». Опубликованная во Франции в 1686 г. книга Фонтенеля была переведена на русский язык А. Д. Кантемиром в 1730 г. и опубликована в 1740 г.,⁷ возбудив активное неприятие ее в лице Православной церкви.⁸ Спротивление Церкви было настолько мощным, что в 1756 г. Синод просил весьма набожную Елизавету Петровну конфисковать все существующие экземпляры, а также запретить дальнейшую публикацию книги.⁹ Тем не менее петиция не произвела должного впечатления, и книга в переводе Кантемира была даже переиздана в 1761 г. Таким образом, в 1784 г. книга давно уже не являлась предметом полемики. Любопытство, которое испытывает к ней Суворов, свидетельствует лишь о желании образованного ума ознакомиться с текстами, уже вошедшими

⁷ [Фонтенель Б.] Разговоры о множестве миров г. Фонтенелла Парижской академии наук секретаря. С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году. СПб., 1740.

⁸ См.: История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1. С. 114—115.

⁹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1966. Т. 3. С. 313. Комментарий № 7862.

в анналы классики литературы Просвещения. Интерес этот мог быть связан с тем фактом, что Суворов принадлежал к масонским ложам «Три звезды» и «Zu den drei Kronen»,¹⁰ а Фонтенель был одним из авторов, читаемых русскими масонами-вольтерьянцами.¹¹ И, что самое главное, краткость ссылки в приказе, данном Кузнецову, по всей вероятности, свидетельствует о том, что произведение было уже хорошо известно не только автору письма, но, быть может, и самому адресату, которому Суворов не считает нужным дать больше разъяснений по поводу желаемой покупки.

Следующим по критерию важности в списке является Вольтер, и упоминается он в двойном регистре, как это будет далее и с Филдингом. Речь идет о Вольтере как о драматурге, с одной стороны, и о Вольтере-историке¹² — с другой. Драматург цитируется в письме № 416, адресованном А. А. Безбородко, затем в письме № 459 на имя О. М. Рибаса. В обоих случаях ссылка одна и та же — на отрывок из трагедии 1734 г. «Аделаида дю Геклен», акт I, сцена 4. В письме к Безбородко Суворов использует этот отрывок, чтобы ответить на вопрос — второй, по всей видимости, из тех, которые ему задает его собеседник:

«Письмом от <...> мне делаете знаки милости о том, на что да будет воля твоя! Но милое дитя мешает службе. Ответ 2-ой как Генриху: *Sir, il est tems*». (Письмо № 416, октябрь 1792 г.)

Хотя неясно, какому именно вопросу соответствует этот ответ, позаимствованный у Вольтера (а мы вынуждены в данной ситуации давать комментарий вне контекста), тем не менее можем сделать следующее наблюдение: сам факт, что Суворов ссылается на Вольтера без уточнения имени автора и даже названия произведения, свидетельствует со всей ясностью об известности трагика в екатерининской России. Одного лишь упоминания отрывка, чрезвычайно банального самого по себе, продублированного ссылкой на персонаж, к которому обращен стих, достаточно для расшифровки аллюзии,¹³

¹⁰ *Bakounine T. Répertoire biographique des Franc-maçons russes (XVIIIe—XIXe siècles)*. Paris, 1967. P. 527; *Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь*. М., 2001. С. 776—777.

¹¹ *Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II*. Изд. 2-е, исправленное и расширенное / Под ред. М. В. Рейзина и А. И. Серкова. СПб., 1999. С. 143.

¹² О восприятии Вольтера в России XVIII в. см.: *Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер*. Л., 1978.

¹³ Так, в письме А. Р. Воронцову, датируемом периодом ссылки, Радищев цитирует одно стихотворение, на этот раз из «Софонизбы», не уточняя при этом ни названия цитируемого произведения, ни даже имени автора, довольствуясь расплывчатым описанием последнего как «известного поэта»: «*L'affreuse vérité qu'un célèbre poète a exprimé dans un vers, se présente à mon esprit dans toute son étendue: „Ah, [que] nos jours derniers sont rarement sereins“*». См.: *Радищев А. Н. Полн. собр. соч.* М.; Л., 1952. Т. 3. С. 460.

несмотря даже на тот факт, что последняя неточна. В «Аделаиде дю Геклен» реплика адресована не самому Генриху, а его сыну, герцогу Вандомскому. Ссылка также характеризует метод цитирования Суворова. Его цитаты не отличаются точностью, они не выверены, а написаны по памяти. Находясь на военной службе в Финляндии, вдали от театральных удовольствий и от книг, автор письма воскрешает в памяти — приблизительно, но достаточно для того, чтобы быть понятым, — поэтический отрывок пьесы, быть может, виденной или прочитанной когда-то. Наконец, создается ощущение, что Суворову была настолько по душе эта цитата, что он повторяет ее несколько раз. В письме к Рибасу, где вновь цитируется отрывок, Суворов упоминает о нем как об уже ранее использованном в третьем письме:

«Charmé par Votre lettre 5-me du courant, je suis très touché des bontés de S[on] E[xcellence] C[omte] Z[oubow]. Ne Vous cachant rien je Vous avois averti ici sur Elmpt: je lui réponds avec reconnoissance y ajoutant la réponse à Henri., Sire, il est tems“». (Письмо № 459, 22 декабря 1793 г.).¹⁴

В этом письме Суворов употребляет цитату, практически заменяя ею свою подпись. Отсылая вновь читателя к Вольтеру, цитата становится маркой эпистолярного стиля Суворова, его любимым приемом.

Другая ипостась Вольтера, возникающая в суворовской переписке, — это Вольтер-историк. При этом Вольтер-историк проигрывает Вольтеру-драматургу. В письме к принцу Нассау-Зигену Суворов пишет по поводу описания битвы при Лимане, сделанного его адресатом, следующее:

«Achille est grand par Homère, Alexandre par Kwint Curse, Voltaire pire historien manqua pour Charles XII, et Vous le faites pour Vous encore beaucoup plus pire. Votre relation n'en a pas même l'image, c'est une note aride sans élégance...» (Письмо № 249, 20 июня 1788 г.).¹⁵

Негативная оценка Суворовым «Истории Карла XII» интересна тем, что она контрастирует с положительным отзывом, которое получило это произведение в XVIII в. Опубликованное почти тайно в 1731 г., после того как его запретили, произведение имело огромный успех. Этот запрет и стал, по всей вероятности, основной причиной успеха «Истории», которая не понравилась Суворову.

¹⁴ «Ваше письмо от 5 сего месяца меня обрадовало; я очень тронут благоклонностью Его Превосходительства Графа Зубова. Не скрывая ничего от Вас, я Вас предупредил на счет Эльмпта. Отвечаю ему [Зубову] с благодарностью и повторяю ответ, данный Генриху: „Государь, уже время“».

¹⁵ «Ахилесс прославлен Гомером, Александр — Квинтом Курцием, Вольтер был историк похуже и промахнулся с Карлом XII, а Вы сами с собой обошлись еще хуже. Ваша реляция не дает о Вас ни малейшего представления, это сухая записка без тонкости, большинство лиц изображены без жизни».

Описывая невероятные приключения шведского короля, Вольтер сделал из своего очерка роман, что бесспорно продемонстрировало его талант рассказчика, но стиль его был весьма далек от манеры письма великих римских историков, например высоко ценимого русским полководцем Квинта Курция с его стилем, далеким от всякого морализирования. К тому же Вольтер пренебрег характеристикой шведской нации, а также подробным изучением ее военной мощи — тем, что более всего интересовало Суворова. Во втором варианте «Истории Карла XII» (1739) Вольтер пересмотрел точку зрения на своего героя. Будучи убежденным, что король Швеции был лишь свирепым завоевателем, французский писатель уделяет основное внимание его сопернику Петру Великому, отдавая таким образом предпочтение созидателю, а не завоевателю.¹⁶ Наконец, Вольтер принижает военные таланты Карла XII, очевидно, высоко ценимые Суворовым, который ставит имя Гомера рядом с именами других двух историков.

Если Вольтер оказался «историком похуже» Квинта Курция, то это потому, что он «промахнулся» с Карлом XII. Выбор такого выражения подразумевает, что французский писатель не был в данной ситуации — и только в ней — на высоте своего таланта, в остальном неоспоримого. Вольтер в переписке Суворова предстает именно как одна из важнейших фигур столетия, как практически официальный писатель екатерининского двора, о ком императрица сказала: «Je veux que ses œuvres servent d'exemple; je veux qu'on les étudie, qu'on les apprenne par cœur, que les esprits s'en nourrissent: cela formera des citoyens, des génies, des héros et des auteurs; cela développera cent mille talents».¹⁷ Суворов в данном случае разделяет вкусы монархини, которой служит. Это частично объясняет и его позицию по отношению к Руссо.

Третий французский писатель, на которого ссылается Суворов, — Монтескье.¹⁸ Как это ни парадоксально, несмотря на то обстоятельство, что писатель упоминается лишь однажды, его присутствие в переписке гораздо более заметно, чем присутствие того же Вольтера: полководец не довольствуется одним лишь намеком на Монтескье, а обсуждает его высказывания. В письме к своему другу

¹⁶ См. у Н. М. Карамзина в «Письмах русского путешественника» сопоставление Петра I с Людовиком XIV в письме, написанном в Лионе 9 марта 1790 г. (Карамзин Н. М. Избр. соч. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 343. См. также: Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии. СПб., 2006).

¹⁷ Цит. по: Larivière C. de. Catherine II et «Figaro» // La France et la Russie au XVIIIe siècle. Genève, 1970. P. 167.

¹⁸ О восприятии Монтескье в России см.: Плавинская Н. Ю. 1) Переводы сочинений Монтескье в России в XVIII в. // Культура эпохи Просвещения. М., 1993. С. 150—163; 2) Как переводили Монтескье в России? // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 281—286.

П. И. Турчанинову Суворов пишет следующее по поводу авторов направленного против него памфлета:

«Не знаю, как у вас таких подлецов терпят, — одирающих оклад с Богоматери?.. Что за странный принцип предпочитать таких глупых остряков — разумным в зрелой добродетели! Они равны, орудием в них ключительным, — шпионам: в нужде — им мешок золота, без нужды — виселица. Монтескье судит право о великом Государстве — Франции, не о ином Государстве величайшем, где подпорою люди одной непомраченной добродетели, но и веры, ибо нет у тебя Бога, — нет Государя. Сей в важных отдаленностях не всегда чистую прозрачность иметь может, но должен иногда верить очам, часто сходных в пороках, частных правителей, — или сведает поздно возросшее зло лукавых клеветов». (Письмо № 111, 16 мая 1781 г.).

Жалуясь на злословящих его наглецов, в числе которых находились местные чиновники, Суворов отстаивает качества, которыми в идеале должны обладать люди, состоящие на государственной службе. Рассуждая о территориальном различии между Францией, «великим государством», и Россией, «государством величайшим», он объясняет, что если первая способна довольствоваться добродетельными слугами, то вторая, по территориальной своей особенности, вынуждена обзаводиться дополнительными гарантиями, опираясь на слуг *и добродетельных, и набожных*. Именно это качество, как представляется Суворову, служит порукой прочности монархического государства — во всяком случае русского, — в чем полководец расходится во мнении с Монтескье. Основывая в книге «О духе законов» прочность различных типов правления на одних лишь моральных принципах добродетели, умеренности, чести или же боязни, французский философ действительно не включает туда религию, по поводу которой в его «Персидских письмах» говорилось, что она не должна вмешиваться в политику.¹⁹ За несогласием по поводу роли религии стоят помимо того две ошибки в прочтении — одна невольная, другая умышленная. Суворов, с одной стороны, приписывает французскому правительству, хотя и монархическому, принцип добродетели, а не чести, с другой же стороны, отказывается, по очевидным соображениям, относить Российскую империю к категории стран с тираническим правлением, основанным на принципе боязни, — тип, проиллюстрированный в «Духе законов» в основном на примере Оттоманской Порты, с которой русский полководец столь часто сражался. Оспаривая идеи Монтескье, Суворов заявляет в шутовском заключении:

«Не автор я какой, но Hahn auf meinem Haufenmist,²⁰ и честь моя мне милее всего».

¹⁹ Монтескье, естественно, делает исключение, когда признает за религией воспитательную роль в правлении тиранического типа. Но Суворов не относил Россию к данной категории.

²⁰ «Петух на своей навозной куче».

Суворов вновь противопоставляет типу философа тип военного. Сравнение с «петухом на навозной куче» выявляет, как мы увидим далее, предпочтение, которое автор оказывает художественной литературе в ее басенном варианте.

Споря с Монтескье, Суворов часто прибегает и к ссылкам на Руссо. Количество последних весьма значимо: фигура Гражданина Женевы или же упоминание его идей появляются пять раз в переписке генералиссимуса. Первая в хронологическом порядке ссылка резюмирует важнейшие идеи Руссо. В письме к П. И. Турчанинову, где сравнивается фальшивая слава и истинная заслуга, Суворов пишет:

«Исключая просвещение наук, Добродетель, мать достоинства, обитает прилежнее в пастушьих шалашах и там меньше портятца нравы, хотя к достижению оных всякое человеческое состояние равное право имеет, понеже у всех Отец один». (Письмо № 109, 10 февраля 1781 г.).

Несомненно, что первая часть фразы была вдохновлена «Рассуждением о влиянии наук и художеств на нравы». Суворов дает идее Руссо применение вполне конкретное и весьма своеобразное: идея эта позволяет автору противопоставить одного Голицына (1675—1730), генерала Петра Великого, имевшего звание, несколько не соответствовавшее степени его таланта, другому молодому Голицыну (1681—1764), получившему более высокий чин, несмотря на весьма посредственные способности. Заимствуя у Руссо оппозицию добродетельных варваров-победителей и более цивилизованных побежденных, в одной из дихотомических конструкций, которые мы увидим далее, Суворов противопоставляет военных политиков, близких ко двору, то есть связанных цивилизацией, тем, которые находятся в действующей армии, т. е. вдали от утонченной столицы и власти.²¹

Что же касается второй части цитаты, то нам трудно согласиться с В. С. Лопатиным, который предлагает усмотреть в ней влияние «Рассуждения о происхождении неравенства между людьми».²² Несомненно, сосуществование в рамках одной фразы двух дорогих Руссо идей может означать, что и тут Суворов обращается к французскому философу. Тем не менее нужно отметить, что для Суворова принципом, гарантирующим равенство, является религия. Все люди равны между собой именно потому, что все они — творение Божие, тогда как у Руссо Природа создает равенство, а люди — неравенство. К тому же равенство кажется реальным моральным фактором, современным Суворову, тогда как в историко-философских размышлениях Руссо это всего лишь постулат. И наконец, как мы увидим

²¹ Факт присвоения Суворовым апологии простоты Руссо уже отметил Ю. М. Лотман, см.: Век богатырей // Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 270.

²² Суворов А. В. Письма. С. 528.

далее, если равенство и является реальным моральным принципом с религиозной точки зрения, у Суворова оно далеко от того, чтобы быть социальной реальностью. Не исключено, что здесь имеет место такое прочтение Руссо, которое сводит его новую концепцию о равенстве к более традиционному принципу равенства людей перед Богом, в том числе и в момент смерти.²³

Вторая ссылка на Руссо появляется в письме на французском языке к начальнику Суворова князю Потемкину. Написанное спустя шесть лет после предыдущего, письмо это открывает серию негативных высказываний Суворова о творчестве французского писателя:

«Les colonels Pretoriens (excepté de gardes à cheval) sont mauvais ; — moi-même en étant incorporé à l'armée, après un long et honorable service, je ne valois rien 3 ans — ils énervent leurs officiers par leurs manières de Cour et les efféminent, insinuants auprès des grands, langage beau ou louche, ils leur apprennent à en voiler leurs défauts; Sibarites non Spartiates, ils leur font mépriser la gloire et une irreligion Jean-Jacquesale — la vertu par tout l'esprit où génie consiste dans le discours non dans l'action...». (Письмо № 181, 11 октября 1787 г.).²⁴

Несмотря на приблизительность синтаксиса фразы, которая изначально наводит на мысль о том, что полковники учат своих офицеров презирать «irréligion» Руссо, следует понимать, по всей видимости, исходя из негативной оценки слова «irréligion», что они же и способствуют этому неверию. Далее следует рассуждение о том, что Суворов понимает под «irréligion». По мнению Ю. М. Лотмана, Суворов подразумевает здесь деизм Руссо, неприемлемый для православного военачальника.²⁵ С другой стороны, надо отметить, что естественная религия Руссо не вызывала какого бы то ни было осуждения, а многие религиозные умы в России скорее соглашались с Руссо, сдержанность мыслей которого в этом вопросе позволяла предложить вариант Просвещения гораздо менее радикальный, чем у Дидро или Гельвеция.²⁶ Поэтому использование данного термина Суворовым, наверное, подразумевает не порицание естественной религии Руссо в том ее контексте, в котором она описывается в «Исповедании

²³ См.: *Goulemot J.-M. Egalité et Inégalité // Dictionnaire européen des Lumières.* Paris, 1997. P. 377.

²⁴ «Полковники “преторианцы” (выключая конную гвардию) — плохи. Я сам, с той поры как в армии, долго нес честную службу, да все равно три года ничего не стоил. Они офицеров своих раздражают придворными манерами, изнеживают, к высшим втираются речами сладкими да льстивыми и тем офицеров учат свои недостатки скрывать. Они не спартанцы, а сибариты, они презирать славу внушают, от них — неверие Жан-Жаково — добродетель от ума, где гений на словах, да не на деле; притворство взамен скромности, политесы взамен опытности».

²⁵ См.: *Лотман Ю. М. Век богатырей.* С. 271.

²⁶ См. *Barran T. Russians read Rousseau 1762—1825.* Evanston, Northwestern UP, 2002. P. 15.

веры савойского викария», а религию добродетели, постоянно восхвалявшуюся, но никогда не практиковавшуюся. Продолжая идею отождествления добродетели и действия, идею, усвоенную во время прочтения первых «Рассуждений», Суворов противопоставляет ее ложной добродетели, апологетом которой оказывается теперь Руссо. Подобная инверсия в отношении к Руссо, объяснявшаяся дистанцией во времени, разделявшей оба письма, находится в русле негативного восприятия Руссо в России, той его ипостаси, которую Т. Барран называет «чародейством».²⁷ Руссо действительно прославился своим дьявольским мастерством в риторике, умением, позволявшим ему доказать недоказуемое — от пагубного влияния наук до оправданности самоубийства в устах Сен-Прё. Действительно, отрицательная оценка Суворова следует в нижестоящей цитате за упоминанием «langage beau et louche». Если Руссо и был приемлем для Суворова как философ-критик современного общества, так как генерал использовал эту критику в своем осуждении политических интриг, вредящих или по меньшей мере мешавших профессии солдата, то ситуация меняется, как только философ оказывается в центре внимания светского общества, которое презирует русский полководец. Помимо образа опасно красноречивого чародея, особенно вредоносного для молодежи, порицается Руссо и как вождь сентиментализма. Да и как мог Суворов, бывший приверженцем классического героизма, оценить персонажей «Новой Элоизы», и в особенности его героя Сен-Прё, даже не способного быть военным?²⁸ Старый солдат, а ему было уже пятьдесят семь лет, с высоты своего возраста набрасывается на молодых столичных щеголей и на их новую моду — пристрастие к Руссо. Ибо речь идет именно о моде, как ловко подмечает Суворов своим неологизмом «Jean-Jacquesale». Руссо как яркий представитель вредоносного сентиментализма, модного при дворе, появится еще раз несколько лет спустя в письме к Хвостову:

«Никому не верьте, ни Грациям, ни Меркуриям, Мальт[ицовым] Жан-Жакам; прочие адские просвещения. Бдите на симптомы». (Письмо № 380, 15—17 августа 1791 г.).

Беспокоясь о светском дебюте своей любимой дочери Наташи, а также о пагубном влиянии, которое могли оказать на нее люди сомнительной репутации, как например Маргарита Яковлевна Фон Мальтиц, Суворов бичует опасную привлекательность этого жестокого мира.

²⁷ Там же. С. 11. См. также: Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752—1917). Антология / Сост. А. А. Златопольская. СПб., 2005.

²⁸ Плохое зрение, а также неприятие профессиональных военных на службе у иностранных принцев не позволяют Сен-Прё принять предложение возглавить в качестве капитана отряд короля Сардинии. См.: *Rousseau J.-J. Julie, ou la Nouvelle Héloïse // Oeuvres complètes*. Paris, Gallimard. Pléiade, 1964. Т. 2. Livre I, Lettre 34. P. 108.

Другая ссылка на Руссо находится в письме, датированном 1788 г. и адресованном другу Суворова Рибасу:

«Si vous ne m'écrivés pas, je ne Vous écrirai rien ; soyons désintéressés pour la cause commune, pensons à nous, c'est la pure vertu d'un homme du monde. Mendiés la sagesse chés J[ean]-J[acques] Vous vous noyerés dans une bouteille remplie du lait d'amande. Vous serés célébré de ses disciples, ils Vous érigeront un tombeau au promontoire du néant avec cette inscription pompeuse: Ci-gît le grand, je ne saurois Vous le dire. Avant cette mort glorieuse commencés par devenir fou, écrivés des sottises, Vous verrés qu'elles feront plus de bien à l'Etat que tous ce beau appareil d'égoïsme». (Письмо № 238, 12—14 июня 1788 г.).²⁹

Ссылка появляется во вполне определенном контексте. Суворов, в течение некоторого времени не получая писем от своего друга, попрекает его этим и угрожает перестать писать в свою очередь, иронически прославляя эгоизм. И именно это рассуждение об эгоизме (имеется в виду отход от общественных дел) влечет за собой ссылку на Руссо. Последний, таким образом, появляется здесь в своей третьей ипостаси, популяризированной Вольтером и Дидро: мизантропа, врага рода человеческого, намеренно удалившегося от мира сего.³⁰ Вслед за этим образом, осуждаемым Суворовым, следует сатира на культ Руссо, возникший после его смерти, и создание его гробницы на острове в Эрменонвиле. По мнению Суворова, Рибас мог бы стать предметом подобного же культа, поклоняясь Руссо. Наконец, за этим следуют нападки на содержание самой жизни Руссо, сведенной к безумию и графомании, высмеянной его врагами, в числе которых оказывается и Суворов. Так что критика его еще более сурова, чем в предыдущей цитате. Отход Руссо от мира был совершенно неприемлем для человека, взращенного на петровской идеологии, которая выше всего ставила службу государству.

Таким образом, враждебность по отношению к Руссо объясняется приверженностью Суворова к старым традициям, что проявляется и в последней ссылке на французского писателя. В письме 1788 г. Попову говорится:

«К Вашему Высокородию посылаю при сем моего мальчика. Зделайте милость, представьте его Светлейшему Князю, повелите

²⁹ «Ежели Вы мне не пишете, и я Вам писать не буду. Позабудем об общем деле, станем думать о самих себе — в этом вся добродетель светского человека. Ищите мудрости Жан-Жака, и Вы утопитесь в бутылке миндального молока. Ученики его станут Вас прославлять. Воздвигнут Вам гробницу над бездной ничтожества: „Здесь лежит великий“ — не знаю кто. Но прежде такой славной смерти взбеситесь, пишите глупости, и Вы увидите, что это принесет более пользы государству, нежели все красоты себялюбия».

³⁰ См. в «Письмах русского путешественника»: «...и после того говорят, что Руссо был мизантроп! Скажите, кто бы не сделался таким на его месте? Разве тот, кто никогда не любил человечества». (Из письма, написанного в Женеве. Карамзин Н. М. Избр. соч. С. 320).

ему, чтобы он Его Светлости поклонился пониже и, ежели может быть удостоен, поцаловал бы Его руку. Доколе Жан-Жаком мы опрокинуты не были, цаловали мы у стариков только полу... ». (Письмо № 254, 23—25 июня 1788 г.).

Намек ясен — он касается принципов воспитания у Руссо, позаимствованных из «Эмиля», запрещенного Екатериной и, следовательно, непереуведенного, но которого Суворов смог достать и прочитатъ на французском, или же принципов, взятых из «Новой Элоизы», где они изложены более сжато.³¹ Призывая видетъ в ребенке самостоятельную личность, Руссо смягчает отношения строгой иерархии, которая, как предполагается, должна управлять взаимоотношениями детей со взрослыми. Взаимоотношения эти должны отныне основыватся не на зависимости, а на уважении и осознании общего интереса. Замену обычая целовать подол простым целованием руки Суворов осуждает опять-таки с точки зрения старого поколения. Руссо, к большому неудовольствию полководца, для которого иерархия была принципом первоуепенной важности не только с точки зрения военной, но также и с моральной, буквально перевернул установленный порядок («доколе опрокинуты не были»).

Таким образом, у Суворова критика Руссо является повсеместной. Она относится в одинаковой степени к вредоносности его красноречия, революционного характера его принципов воспитания и сентименталистской эстетики. Суворов смотрит на все это с позиции человека другого поколения, воспитанного в предыдущую эпоху на иных принципах. Его мораль и эстетика, присущая ей, совпадают не с той, которая связана с распространением идей Руссо, а с той, которую проповедует классицизм, главенствовавший в годы ученичества полководца. Но ничто так не иллюстрирует эту оппозицию сентиментализму и эту привязанность к эстетике предшествующей эпохи, как глубокое пристрастие Суворова к Лафонтену.

Лафонтен является четвертым французским писателем, цитируемым Суворовым, и, по всей очевидности, любимым. Большой поклонник его басен, Суворов вводит их не в очевидной форме ссылок, указывая название произведения и имя его автора, а с помощью намеков, тем не менее достаточно прозрачных для того, чтобы быть угаданными адресатами всех шести писем. Все эти адресаты, что характерно, являются близкими друзьями автора писем. По всей видимости, именно личный характер переписки позволяет упоминать произведения автора, не менее престижного, чем Вольтер, но обращавшегося к жанрам менее высоким, чем трагедия или истори-

³¹ *Rousseau J.-J. Julie, ou la Nouvelle Héloïse. Livre IV, Lettre 14 и в особенности Livre V, lettre 3.*

ческие сочинения. Всего цитируется три басни, причем одна из них используется Суворовым дважды.

Прежде чем анализировать упоминания Суворовым этих басен, необходимо отметить ошибочную атрибуцию одного отрывка Лафонтену В. С. Лопатиным. Фрагмент, о котором идет речь, позаимствован из письма, адресованного В. С. Попову 29 июня 1788 г., в период кампании против турок:

«Ваше Высокородие с праздниками поздравляю. За поздравление со славными победами жучек над слонами и участие блокфорта благодарю, но паче благодарю Бога за щастье Светлейшего Князя». (Письмо № 257, 29 июня 1788 г.).

Отвечая на комплимент, сделанный ему Поповым, Суворов использует сравнение с животными, чтобы упомянуть недавнюю победу русской легкой флотилии над тяжелой флотилией флагманских кораблей Газа Хассана. Сравнение легких судов первой с насекомыми, а тяжеловесных кораблей второй со слонами намекает, по мнению В. С. Лопатина,³² на басню Лафонтена, название которой переводится на русский язык как «Слон и Моська». Однако это название отсылает к знаменитой басне Крылова, ничем не обязанной Лафонтену.³³ Писал ли последний басню, персонажами которой выступают слоны и насекомые? Единственная басня, изображающая противостояние мощного и сильного животного и насекомого тщедушного, но в итоге оказывающегося сильнее своего противника, — это басня «Лев и Комар» (II, 9), мораль которой гласит, «qu'entre nos ennemis / Les plus à craindre sont souvent les plus petits».³⁴ Итак, образ слона здесь отсутствует. Следовательно, чтобы найти образ, похожий на использованный в нашей цитате, нужно вернуться к Эзопу, чья басня «Лев, Прометей и Слон» предлагает сходную мораль и похожих персонажей-зверей: «on voit que le moustique est assez fort pour faire peur même à l'éléphant».³⁵ Итак, источником цитаты Суворова мог бы быть Эзоп, если бы его Слон и Комар были изображены в противостоянии. Но это не так, в отличие от Слона и Комара Лафонтена. Следовательно, можно предположить, что Суворова вдохновила какая-то другая басня, одна из многих известных в России XVIII в., которая могла совместить оба источника, лафонтеновский и эзопов; или же сам автор аллюзии, цитируя по памяти, перепутал обе басни — «Лев и Комар» и «Лев,

³² Суворов А. В. Письма. С. 580.

³³ Статьи, посвященные заимствованию басен Крылова у Лафонтена, многочисленны. На французском языке можно обратиться к статье: Labriolle F. de. Krylov et La Fontaine // *Revue de Littérature comparée*. 1966. XL/1. P. 91—109, и в особенности 94.

³⁴ *La Fontaine. Fables, contes et nouvelles // Œuvres complètes*. Paris, Gallimard. Pléiade, 1991. Livre II, fable 9. P. 82. В дальнейшем в тексте указаны номер книги — римскими цифрами, номер басни — арабскими.

³⁵ *Esopé. Fables*. Paris, 1927. P. 93.

Прометей и Слон». И в том и в другом случае цитата не имеет никакого отношения ни к Крылову, ни к его знаменитой «Моське», мораль которой совершенно другая. Тем не менее упоминание басни интересно, поскольку аллюзия мотивирована как повествовательной, так и визуальной аналогией.

Если первую аллюзию все же следует интерпретировать с осторожностью, вторая впервые недвусмысленно отсылает к Лафонтену. В письме к своему другу Д. И. Хвостову, где Суворов жалуется по своему обычаю на медленное продвижение по службе или же на ощущение себя как жертвы интриг, он пишет:

«Естли б мне быть Ком[андиром] Вспом[огательного] к[орпуса], не проникло бы, или то была летучая прибаaska, а той замашкой хотеть меня в С[анкт]-П[етер]б[ург], то для чего же я не Г[енерал]-Адъ[ютан]т, как то почиталось немудренным? Могло бы то мне приобрести перемену моего от периода ж[е]н[и]х[овского] плана, иначе только я буду мартышкин каштанный кот». (Письмо № 384, 20 сентября 1791 г.).

В продолжении письма Суворов выражает беспокойство, думая о том, что станет всего лишь еще одним прислужником Потемкина, рискуя каждую минуту попасть в опалу из-за смены настроения все-сильного князя. В подобном контексте использование образа кота, который вынимает каштаны из огня, — намек на басню Лафонтена «Обезьяна и Кот» (IX, 17) — совершенно оправдано. Суворов видит себя исполнителем, а не тем, кто пожинает плоды его усилий. Та же озабоченность, выраженная цитатой из той же басни, касается его обиды на то, что вознаграждение, несмотря на его талант, получает не он, а более посредственный соперник; об этом речь идет в письме 1792 г. к тому же Хвостову:

«Софизм списочного старшинства: быть мне под его игом, быть кошкою каштанною, обезьянною, или совою в клетке. Не лутше ли полное ничтожество?». (Письмо № 418, октябрь 1792 г.).

Суворов возмущается тем фактом, что иерархия превращает его в исполнителя распоряжений его соперника князя Н. В. Репнина (1734—1801), которого он обвиняет в том, что тот стоит за интригами, продлившими его неблагоприятное занятие по укреплению фортификаций на финляндской границе.

Интересно, что в обоих случаях Суворов отождествляет себя с одним из персонажей басни, не боясь под влиянием аналогии выбрать самого неудачливого из двух. Здесь не только упоминается писатель или цитируется произведение, но проводится параллель между собственной ситуацией и содержанием упоминаемого произведения. Таким образом, мы констатируем здесь литературный подход нового типа, который будет доминировать во всех дальнейших ссылках, в том числе и на английскую литературу, которая уже не только комментируется, но и как бы ощущается автором изнутри.

Третья бесспорная аллюзия на Лафонтена появляется в письме к тому же Хвостову. Суворов намекает в нем на победу своего соперника Репнина в битве при Мачине (9 июля 1791 г.), победу, которую он считает несоизмеримой по своей значимости со своей собственной победой на Рымнике (11 сентября 1789 г.):

«Безумен мачинский, как жаба против быка, в сравнение Рымника». (Письмо № 417, 20 октября 1792 г.).

Суворов нашел наилучший способ выражения своей мысли в басне Лафонтена «Лягушка, которая хотела дорости до быка» (I, 3). Помимо экономии средств выражения и игры рифмы, которые превращают заимствование в самостоятельное литературное изложение, здесь использован прием олицетворения, который позволяет подменить фигуры двух военачальников образами самих битв.

И наконец, две последние ссылки Суворова на Лафонтена находятся в двух письмах 1794 г.: первое адресовано П. И. Турчанинову, второе — генералу П. А. Румянцеву. Продолжая жаловаться на несправедливую зависимость действующей армии от военачальников при дворе, особенно заметную после смерти Потемкина и назначения в директоры Военной коллегии графа Н. И. Салтыкова, а также сетуя на плохие их манеры, Суворов пишет:

«С времени правления Г[рафа] Н[иколая] И[вановича] С[алтыкова] действует некое старшинство, приобретенное павлиньими перьями, или приятность». (Письмо № 475, 21 июля 1794 г.).

Или:

«Каков Деев в форштате, таковы все наши тамошние войски в селениях и грабленное продавать не стыдятся. Большая часть пользуется старшинством, приобретенным павлиньими перьями или угодностью — без достоинств». (Письмо № 479, 24 июля 1794 г.).

В обоих случаях цитаты отсылают к басне «Ворона в павлиньих перьях» (IV, 9). Ссылки мотивированы вдвойне: повествовательной фабулой и, как и в предыдущем случае заимствования у Лафонтена / Эзопа, визуально. Суворов обличает в них самозванство и, бесспорно, пристрастие двора к мундирам, контрастирующее с его собственным вкусом к простой одежде, о котором повествуют рассказы его современников и позднее историков.³⁶ Как и предыдущая, басня служит разоблачению тех, кто нарушает иерархию истинных заслуг, к которой генерал испытывал глубокое благоговение, будь то по отношению к военным действиям или к офицерам.

Интерес Суворова к басням Лафонтена, таким образом, имеет под собой идеологическую основу. Классическая мораль французского писателя, никогда не выступавшего против неравенства и всегда наказывавшая тех, кто думает, вопреки разуму и здравому

³⁶ На французском языке см.: *Jacoby J. Souvarov*. Paris, 1935. P. 85, 148, 155, 186, 227, 245, 248.

му смыслу, что ему удастся его избежать, вполне подходила полководцу и несомненно противостояла в его понимании принципу эгалитаризма, исповедовавшегося сентименталистом Руссо. Форма басни, ее лаконичность особенно импонировали солдату, прославившемуся своим наметанным глазом, быстрой реакцией.³⁷ Такому жизнерадостному человеку, каким был Суворов, эта форма хорошо подходила также своей основной семантической структурой (прием игры масок), близкой ему, и которую мы будем часто встречать в ссылках на английскую литературу. В заключение отметим, что адресатом трех из пяти аллюзий, несомненно относящихся к Лафонтену, был Д. И. Хвостов, будущий автор басен,³⁸ любитель и знаток жанра уже, по всей видимости, в годы переписки с Суворовым. Таким образом, практика цитирования у Суворова может быть охарактеризована не только по отношению к объекту цитирования, но и по отношению к личности человека, которому она предназначена.

Прежде чем перейти к ссылкам на английскую литературу, скажем несколько слов об аллюзиях на Бомарше в корреспонденции Суворова. Их всего две, и они отсылают к одному и тому же источнику — к «Женитьбе Фигаро». Эта чрезвычайно лаконичная повторяющаяся аллюзия на самом деле служит для наименования англичан, союзников России в войне против Франции, «готдемами»:

«Я болен на ногах. Как у готдема сплин, так у меня отзыв домой, ежели не переменится». (Письмо № 619, 4 июля 1799 г.).

«Любезные герои „готдемы“ воюют для корыстей; они как вечно целы на их природных островах». (Письмо № 678, 27 января 1800 г.).

В. С. Лопатин первым усмотрел в данном выражении влияние знаменитого монолога Фигаро, в котором последний сводит весь английский язык к одному-единственному слову:

«Diable! C'est une belle langue que l'anglais; il en faut peu pour aller loin. Avec God-dam en Angleterre, on ne manque de rien nulle part. Voulez-vous tâter d'un bon poulet gras? entrez dans une taverne, et faites seulement ce geste au garçon. (Il tourne la broche.) God-dam! On vous apporte un pied de bœuf salé sans pain. C'est admirable! Aimez-vous à boire un coup d'excellent bourgogne ou de claret? rien que celui-ci. (Il débouche une bouteille.) God-dam! On vous sert un pot de bière, en bel étain, la mousse au bord. Quelle satisfaction! Rencontrez-vous une de ces jolies personnes qui vont trottant menu, les yeux baissés, coudes en arrière, et tortillant un peu des hanches? Mettez mignardement tous les doigts unis sur la bouche. Ah! God-dam! Elles vous sanglent un soufflet de crocheteur. Preuve qu'elle entend. Les Anglais, à la vérité, ajoutent

³⁷ Там же. С. 197, 202.

³⁸ См.: Русская басня XVIII—начала XIX века. Л., 1977. С. 571—572.

par-ci, par-là quelques autres mots en conversant; mais il est bien aisé de voir que God-dam est le fond de la langue...». ³⁹

Угадываемость аллюзии, по всей вероятности, была гарантирована известностью «Женитьбы Фигаро», чрезвычайно популярной в России начиная с 1787 г., когда пьеса была впервые поставлена и был опубликован ее перевод. ⁴⁰ Обе ссылки, адресованные первая — к С. Р. Воронцову, вторая — к Ф. В. Ростопчину, фигурам важным и уважаемым (во всяком случае Воронцов), сведены к семантическому минимуму, далекому от тех пассажей в цитатах из Лафонтена, которые позволял себе Суворов в личной переписке. Тем не менее следует отметить, что даже сведенная к минимуму цитата позволяет обыгрывание, так как процитированное выражение теперь обрисовывает реальность иную, чем у Бомарше. ⁴¹ Наконец, заметим, что выбор ссылки здесь, вероятно, определяется опять-таки личностью адресата С. Р. Воронцова, который во время написания письма был российским послом в Лондоне. Выражение «готдем», игривое и не имеющее негативной оценки в этом письме к общеизвестному англоману, во втором письме все же несет в себе отрицательный акцент, связанный с традиционным упреком англичан в корысти. Подобный переход свидетельствует о гибкости и приспособляемости цитатного высказывания.

Ссылки на английскую литературу, менее многочисленные, чем на французскую, как показала вышеприведенная таблица, тем не менее представляют собой несомненный интерес. Исключив из нашего списка ссылку на «Тимона Мизантропа» (письмо № 116, 9 ноября 1781 г.), с большей вероятностью взятую у Плутарха, чем у Шекспира, из английских авторов остаются Филдинг и Оссиан, как бы ни казалось странным подобное сопоставление этих имен.

Суворов упоминает два произведения Филдинга — пьесу и роман. Первая — это комедия 1730 г. «The Coffee-House Politician, or the Justice Caught in his Own Trap». Главный персонаж пьесы ставит себя в смешное положение тем, что имеет пристрастие к разглагольствованию о международной политике, не обладая при этом необходимыми знаниями. Именно к этой фигуре Суворов в своей переписке и прибегает три раза для описания персонажа, которого В. С. Лопатин, по собственному признанию, не смог идентифицировать в двух приводимых ниже цитатах. В третьем упоминании сравнивается с персонажем Филдинга или же с этим неопознанным лицом Николай Иванович Корсаков:

³⁹ *Beaumarchais. Œuvres. Paris, 1988. P. 433.*

⁴⁰ История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1996. Т. 2. С. 88.

⁴¹ У Карамзина также выражение «год дем» («черт возьми») обозначало английский язык, как и у Бомарше, а не самих англичан, как у Суворова. См. «Письма русского путешественника», первое письмо, написанное в Кале (*Карамзин Н. М. Избр. соч. С. 512*).

«Г[раф] Н[иколай] П[етрович] и С[ергей] Рум[янцевы] вчера проехали к их батюшке, а большой Г[раф] М[ихаил] П[етрович] едет к матушке и может быть сего числа будет здесь. Sir Politik не знает, что о том думать, как о лондонском бегуне, охромевшем левым копытом». (Письмо № 51, А. И. Набокову, 21 января 1774 г.).

«J'ignorois ici tout projet de Batterie de 4 p[ièce] pour 40, quoique soldat du Brandwacht, je devois être consulté le premier. Vous êtes hors l'adolescence pour en comprendre la raison. Trois personnes y jouent: 1: ah le beau Patriotard — moi s'éclipsant. Sir Politik et Paul Jones, les deux derniers au Trone de béatitude, affrontant la vertu et la bienséance, regorgeant des récompenses pour les services à venir». (Письмо № 238, И. М. Рибасу, 12—14 июня 1788 г.).

«Vous agissés, mon cher Prince, avec cette noble franchise qui n'est propre qu'aux grandes âmes. Par la lettre de Votre Altesse je soupçonne que Korsakow n'aille recommencer le rôle de Sir Politik, étant aussi bon marin que moi». (Письмо № 232, принцу К. Г. Нассау-Зигену, 3 июня 1788 г.).⁴²

Первые два обстоятельства комментировать, кажется, затруднительно, поскольку невозможно точно идентифицировать указанную фигуру. Мы тем не менее можем отважиться на несколько следующих замечаний. Ссылка на нелепого персонажа Филдинга сперва используется, конечно же, как уничижительное прозвище. Затем она описывает предположительно ту же персону, если только упоминание ее в третьей цитате не проводит параллель между Корсаковым и фигурой, упомянутой в первых двух, а не персонажем Филдинга напрямую. Наконец, контекст, в котором появляется третья цитата, за которой тут же следует сравнение, полное иронии Суворова над собой, видимо, подразумевает тот факт, что «Сэр Политик» обозначает не персону, озабоченную великими делами внешнего мира и не замечающую того, что происходит в ее собственном доме (анализ В. С. Лопатина), а просто человека, вышедшего за границы своей компетенции. Так Суворов приобщается к морали Лафонтена, советующей всем оставаться в своем кругу. Что касается сущности источника информации Суворова, то мы можем только отметить, что театральные произведения Филдинга, которые не были ни переведены, ни опубликованы в России

⁴² «Касательно батареи на 4 орудия и 40 солдат я здесь знать не знал, хотя я и сам солдат бранд-вахта, и со мной следовало бы посоветоваться первым. Вы уж не мальчик, и поймете причину. Три персоны тут ролю играли: 1. ах, ура-патриот, меня затмил; Сэр Политик и Поль Джонс — двое последних на вершине блаженства, противно доблести и приличиям так и сыплют наградами за грядущие услуги».

«Вы действуете, любезный Принц, с тою благородною искренностью, коя свойственна только великим душам. Из письма Вашего Высочества понял я, что Корсаков желает взяться за старое и изобразить Сэра Политика, хотя из него моряк — как из меня самого».

XVIII в.,⁴³ тем не менее должны были иметь успех в определенных кругах, о чем свидетельствует тот факт, что собеседники генерала, по-видимому, поняли всю соль его намека. Поэтому нельзя согласиться с мнением, что драматургия Филдинга, кажется, не вызвала интереса в России. Более подробное, чем настоящая статья, исследование, посвященное Филдингу, могло бы определить, игралась ли пьеса в Санкт-Петербурге или в Москве и была ли она доступна читателям в сборниках, продававшихся в России на английском или французском языках. Тем не менее бесспорно можно утверждать, что именно огромному успеху «Тома Джонса» у русской публики обязан «The Coffee House Politician», привлекий внимание Суворова.

И опять-таки этот успех явился причиной перевода на русский язык других романов Филдинга,⁴⁴ среди которых можно назвать книгу «The Life of M. Jonathan Wild the Great», переведенную в 1772 г. как «Деяния господина Ионафана Вилда Великаго».⁴⁵ Именно из этого произведения позаимствована вторая серия аллюзий на Филдинга в письмах Суворова. После использования уничижительной фигуры Сэра Политика для характеристики одного или нескольких лиц, амбиции которых он полагал неуместными, полководец использует два раза в своей переписке образ Джонатана Уайльда для собственной характеристики:

«Достойный Императорский раб в умеренности заслуг нетерпим; хорошо когда скоро; но правило Ионафана Великого — отлагати мщение до удобного времени». (Письмо № 83, 21 сентября 1778 г.).

«Мудры, како змии, чисты, како голуби. Обще (плоше) — народие называет умным лукавого. Существую ближе к горизонту, и кто не хотел бы умнее слыть, хотя без разсудка. Сие, что пишу, и то не ум, но *genium*, смысл. Сей производит, тот действует. Мудр Солон, хитр Картуш, лукав великий Ионафан!». (Письмо № 380, 15—17 августа 1791 г.).

Эта двойная ссылка на фигуру Джонатана Уайльда вызывает следующие комментарии:

Форма «Ионафан» говорит о том, что Суворов читал произведение Филдинга на русском языке, вероятно в переводе 1772 г., о котором говорилось выше. Второе русское издание увидело свет только в 1785—1786 гг., то есть после даты написания письма, в котором находится первая ссылка.

⁴³ См.: *Levin Ju. D. Translations of Henry Fielding's Works in Eighteenth-Century Russia // Slavonic and East European Review. 1990. LXVIII/2. P. 229: «It is only in the Soviet Period that other novels besides Tom Jones have been translated again, and his comedies have also been translated for the first time».*

⁴⁴ *Ibid.* P. 226.

⁴⁵ Деяния господина Ионафана Вилда Великаго, писанныя г. Филдингом. Перевел с немецкаго Иван Сытенской. Т. 1—2. СПб., 1772—1773.

Второе замечание касается причины употребления Суворовым этой ссылки. Кажется вероятным, что в первой цитате использование литературного образа связано с вечным беспокойством, которое доставляли Суворову политические интриги, неизбежные при его деятельности. Отсылая к способности Джонатана Уайльда ждать удобного момента, чтобы отомстить своим противникам (в частности, Багшоту и Фирсу), цитата иллюстрирует нетерпение Суворова при виде медлительности власти в признании его заслуг, несомненно умышленной, как он воображал.

Во второй цитате образ Джонатана Уайльда возникает, чтобы выдвинуть на передний план черту характера, которую Суворову хотелось бы отнести на свой счет: дифференцируя находчивость и благоразумие, он провозглашает превосходство первой, так как это для него мудрость действия. Говоря это, Суворов отсылает своего собеседника к иронической критике, которую Филдинг высказывает по поводу классического представления о величии, постоянно предписывающего таланту приумножение добродетели. Представление о величии в «Истории жизни покойного Джонатана Уайлда Великого» — это способность достичь своей цели, вопреки всем моральным принципам. Шутливо принимая таким образом на свой счет ироничную апологию, провозглашенную Филдингом в честь величия, необремененного добродетелью,⁴⁶ Суворов питает ею свою критику бездейственной добродетели, проповедником которой для него был Руссо. Находясь на стороне действия, более чем на стороне пустых разглагольствований, Суворов называет, не без доли вызова, своих наставников: Джонатана Уайлда, но также и Картуша, что выдает его вкус, помимо пристрастия к Филдингу, к жанру рассказов о разбойниках вообще.⁴⁷ Наконец, это суворовское отождествление себя с Джонатаном Уайлдом свидетельствует о его способности смеяться над собой, настолько персонаж Филдинга негативен, а также о его склонности к кокетству: действительно, нам известно, по многочисленным рассказам, что Суворов заботился о своей репутации оригинала. Характерно, что у Суворова и Уайлда был одинаковый вкус в отношении книг. Так, Филдинг пишет о пристрастии Уайлда к Карлу XII,⁴⁸

⁴⁶ *Fielding H. The Life of Mr. Jonathan Wild The Great. Book I. Chapter 1: «Shewing the wholesome uses drawn from recording the achievements of those wonderful productions of nature called Great Men».* Penguin. Harmondsworth, 1982. P. 39—41.

⁴⁷ Очевидно, что Картуш, персонаж многочисленных рассказов и даже театральных пьес и стихов во Франции, был знаком Суворову из текста: Подлинное описание жизни французского мошенника Картуша и его товарищей, собранное из производимых над ним процессных пунктов и других вероятных уведомлений. СПб., 1771. Перевод книги: *Histoire de la vie et du procès de Louis-Dominique Cartouche et de plusieurs de ses complices. La Haye, 1722.*

⁴⁸ *Fielding H. The Life of Mr. Jonathan... Book I. Chapter 3. P. 47: «He was a passionate admirer of heroes, particularly of Alexander the Great, between whom and the late King of Sweden he would frequently draw parallels».*

высоко ценимому русским полководцем, о чем напоминает случай, когда он ставит в вину Вольтеру неудачный портрет короля.

Постоянное присутствие имени Филдинга в переписке Суворова подтверждает его склонность к сатирическому направлению в литературе, особенно характерному для английской литературы XVIII в. Суворов и Филдинг имели общий интерес к Дон Кихоту.⁴⁹ Это направление, очевидно, представляло для Суворова альтернативу сентиментализму, который он не признавал, о чем свидетельствует его неприятие Руссо. В этом свете выбор Филдинга представляется очевидным. Автор рассказов о жизни разбойников Филдинг был также создателем «Шамелы», пародии, написанной с целью высмеять Ричардсона, великого предшественника Руссо.

Оссиан («Поэмы Оссиана» Дж. Макферсона), упомянутый Суворовым, тем не менее является прямой противоположностью Филдингу и, очевидно, должен смягчить противопоставление английского сатирического жанра французскому сентименталистскому направлению.

Оссиан действительно упоминается в переписке Суворова четыре или, может быть, пять раз. Впервые — в письме, написанном в октябре 1792 г. Д. И. Хвостову, затем несколько лет спустя в письме к принцу де Линю.

Первая ссылка своими размерами свидетельствует о недавнем и сильном влиянии Оссиана и заслуживает того, чтобы быть процитированной целиком:

«Странствую в сих каменномшистых местах, пою из Оссиана.
О, в каком я мраке! Пронзающий темноту луч денного светила дарит
меня. Перевод с аглицкого:

Оставших теней всех предтекших пораженьев
Пятнадцать тысяч вихрь под Мачин накопил.
Герой ударил в них, в фাগот свой возопил!
Здесь сам Визирь, и с ним сто тысяч привиденьев.

Облистал Нейшлот, я вознесен туда на крыльях легкого ветра,
изходящего из недров Кутвенетайполя; проходящ пустыню Пумалы,
содрогаю от стремнины дольней. Обратясь я в Кевкенсильде,
где брега его не столь облачены камнем, как в Кутвенетайполе, где

⁴⁹ Помимо того факта, что Филдинг написал пьесу под названием «Don Quixote in England» (1734) и что полное название «Джозефа Эндрюса» включает упоминание «Written in Imitation of the Manner of Cervantes, Author of Don Quixote», Филдинг упоминает героя Сервантеса не раз в пьесе «The Coffee House Politician». См.: The Coffee House Politician, or the Justice Caught in his Own Trap. A Comedy. As it is Acted at the Theatre Royal in Lincoln's-Inn-Fields // Plays. Oxford, Clarendon Press, 2004. Т. 1. Д. II. Явл. 12. С. 458 и Д. III. Явл. 2. С. 460.

еще не успели омшиться, и здесь только видна их бахрама. Воззри, Лада, на сей донный плитник: сто сухих дубов его пожигают безконечно. Состав из лены метет его в густые облака, они падают, и воздух наполнен мглою. Но что я вижу! Толстота земли изгибается под непрозрачными волнами быстротечного Сайма. Где же мой друг Штейнгель? в объятиях ли его любезной супруги, или в беседе с душами, переселенными в густые туманы? Он повергает меня в уныние, умножает мою печаль, летящую с юга. О барды! воспойте тамошнюю радость, поелику вы о ней от кулдеев слыхали. Скоро ли меня перенесут тамошние орлы в те медомлечные страны, где я толико упразднялся с бранноносцами и где бы я тонкий воздух, в ваше снежное время наполненный зефирами, приятно разделил, хотя на росе мира». (Письмо № 419, октябрь 1792 г.).

Первый комментарий, который напрашивается после прочтения письма, касается даты его написания — 1792 г., год, когда появилась публикация перевода Оссиана, сделанного Е. И. Костровым.⁵⁰ Перевод этот не мог не привлечь внимания Суворова, которому Костров посвятил его.⁵¹ Знаменитый и почитаемый военачальник, Суворов казался достойным наследником кельтских воинов Оссиана. Отождествление русского полководца с героем Макферсона будет подхвачено позднее Державиным, чьи стихи, посвященные Суворову, изобилуют оссиановскими мотивами.⁵² Автор писем, кстати, и сам прибегал к подобному типу сравнения. Большой поклонник эпоса, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на Гомера, вкрапленные в его переписку, Суворов часто сравнивал свое положение, в частности во время военных операций, с положением героев «Илиады». Поэтому поэзия Оссиана могла вызвать лишь одобрение Суворова. Во всяком случае об этом говорил один из его современников, его соратник Е. Б. Фукс, по свидетельству которого полководец сказал однажды:

«Оссиан, мой сопутник, меня воспламеняет; я вижу и слышу Фингала в тумане, на высокой скале сидящего и говорящего: Оскар, одолевай силу в оружии, щади слабую руку».⁵³

Конечно, можно возразить, что Оссиан мог бы оттолкнуть Суворова своей предромантической эстетикой, способной привлечь скорее сентименталистов, чем сторонников классицизма, каким был полководец. Так, Ю. Д. Левин писал, что «в сознании многих русских литераторов конца XVIII в. Оссиан объединялся с поэтами-

⁵⁰ Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века: Гальские (иначе эрские или ирландские) стихотворения, переведены с французского Е. Костровым. Ч. I—II. М., 1792.

⁵¹ Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Л., 1980. С. 31.

⁵² Там же. С. 36.

⁵³ Фукс Е. Б. Один день из жизни Суворова // Собрание разных сочинений Е. Фукса. СПб., 1827. С. 101. Цит. по: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. С. 33.

сентименталистами».⁵⁴ Но еще более, чем сам Оссиан, Суворову пришлось по душе перевод Кострова. К тому же, как показал Ю. Д. Левин, Костров не только использовал французскую версию текста Макферсона, уже подвергнувшегося классицистической обработке П. Ле Турнером в соответствии с французским вкусом, но и сам добавил элементы классицизма в соответствии с эстетикой ломоносовской оды, на которой он был воспитан. Уподобляя Оссиана Ломоносову, Костров злоупотребляет архаичными славянизмами⁵⁵ с целью добавить «эпической возвышенности», которая в оригинале ему кажется недостаточной. Таким образом, именно эта классицистическая обработка нравилась Суворову, о чем свидетельствует хвалебный дистих, адресованный им поэту-переводчику в 1795 г., где Костров в качестве переводчика Оссиана сравнивается с двумя классиками эпического стиля:

«Виргилий и Гомер, о! естли бы восстали / Для превосходства
бы твой важный слог избрали».⁵⁶

Уже в письме к Державину 21 декабря 1794 г. высказывалась та же идея. Оссиан здесь сравнивается с Гомером и Виргилием, которые должны склониться перед талантом русского поэта:

«Гомеры, Мароны, Оссианы и все доселе славящиеся витии
умолкнут пред вами». (Письмо № 506).

Спустя три года после написания дистиха, посвященного Кострову, и шесть лет после публикации его перевода Оссиана Суворов будет продолжать ценить этот текст: он просит привезти эту книгу А. С. Румянцева, о чем сообщается в письме к Хвостову в ноябре 1798 г.:

«А[лександр] С[еменович] Р[умянц]еву поручено от меня между пр[очим] привести с собою из С[анкт]-П[етер]б[ург]а ‘Сувориаду’, оду на Измаил Д. Хвостова, на Варшаву оду Кострова, на Варшаву песнь Г. Державина, то ж, коли есть иные, коих не знаю; томик — перевод Оссиана Кострова». (Письмо № 584, ноябрь 1798 г.).

Если именно классицистическая обработка, которую претерпел текст Макферсона в переводе Кострова, объясняет во многом склонность Суворова к северному барду, она тем не менее не помешала русскому полководцу отметить и другой аспект «Поэм Оссиана»: их предромантическую направленность, которая так нравилась сентименталистам. Именно эта двойственность Оссиана и объясняет несомненную, на наш взгляд, ироничность вышепротитированной ссылки на него в письме к Хвостову. Действительно, как становится ясным при прочтении письма, все оно является стилизацией Оссиана. И, как подсказывают многочисленные признаки, стилизация эта ироническая. Прежде всего, она строится в два этапа: письмо в прозе

⁵⁴ Там же. С. 21.

⁵⁵ Там же. С. 30.

⁵⁶ Цит. по: *Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе*. С. 31.

и стихотворная вставка. Вставка эта содержит в себе иронию, так как Суворов насмехается, как пишет В. С. Лопатин, над преувеличениями в реляции Репнина о Мачинской победе.⁵⁷ Таким образом, имя Оссиана первый раз используется в ироническом контексте, что может показаться неожиданным, учитывая то почтение, которое уделяла Оссиану вся Европа в ту эпоху. Но и само письмо тоже написано в ироничной манере. С одной стороны, потому, что автор использует — и с каким талантом! — словарный запас и образы Оссиана при описании конкретных и непоэтических деталей работ по построению каналов, с другой стороны, по той причине, что Суворов в риторическом обращении задается вопросом о судьбе своего друга Штейнгеля, находившегося, быть может, в царстве теней, хотя ничто на тот момент не позволяло Суворову думать, что его друг был мертв. С этим образом здесь связано преувеличенное чувство тоски от разлуки, заглушающее классицистический здравый смысл, который обычно Суворов отстаивает и афиширует.

Итак, Оссиан является объектом иронической стилизации со стороны Суворова. Ирония эта тем не менее не несет в себе язвительности и не ставит под вопрос ценность поэм Макферсона. Суворов все же не отказывает себе в удовольствии добродушно посмеяться над всякими его предромантическими «облачками» и «дымками». Суворов чувствует себя, в соответствии со своей биографией, больше южанином, чем уроженцем севера, как красноречиво показывают заключительные фразы письма. Принужденный к неблагоприятному заданию по укреплению финляндской границы, Суворов вспоминает о прошлых южных кампаниях против турок и восклицает:

«Скоро ли меня перенесут тамошние орлы в те медомлечные страны, где я толико упразднялся с бранноносцами и где бы я тонкий воздух, в ваше снежное время наполненный зефирами, приятно разделил, хотя на росе мира».

Суворов которому несомненно был близок героизм Фингала, все же чувствует себя ближе к Ахиллесу. Это доказывает, что генерал был в курсе эстетических дебатов, окружавших публикацию Оссиана. Дебаты эти, представленные Ле Турнером, о которых Суворов смог узнать благодаря переводу Кострова, уже тогда, до Ж. де Сталь, выносили на обсуждение различие между Оссианом и Гомером. В переводе можно прочесть:

«Нравы и умы греков и цельтов были весьма между собой различны. Греки были живы, быстры, веселы и многоречивы; но цельтам свойственна была важность, притом краткое и сильное выражение: и посему видим мы, что стихотворения Гомеровы и Оссиановы имеют на себе знаки и, так сказать, печать различного свойства своих народов».⁵⁸

⁵⁷ Суворов А. В. Письма. Комментарий к письму № 419. С. 638.

⁵⁸ Цит. по: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. С. 32.

Как можно было заключить из всего сказанного, Суворов должен был гораздо охотнее узнавать себя в греческом характере, чем в северном. Многочисленные рассказы, свидетельствующие о вкусе полководца к остро словию, о его веселой эксцентричности также могут подтвердить этот тезис.

Итак, отношение Суворова к Оссиану представляется двойственным. Если он и испытывал несомненный к нему интерес, то, по всей очевидности, не без доли легкой иронии. Тем не менее героический предромантизм Макферсона, даже если он и отличался от эстетической нормы классицизма, так любимого Суворовым, представлял собой уступку новым тенденциям, гораздо более приемлемым, чем руссоизм. В подобном контексте английская литература как бы служила поправкой французской вычурности, а Макферсон в какой-то мере стал попыткой примирения Суворова с Руссо.

Две последние ссылки на Оссиана в переписке не добавляют ничего интересного к первым. В письме, написанном на немецком языке в январе 1795 г. к Е. Г. Цукатто, Суворов, для того чтобы сделать комплимент собеседнику за его стиль, использует аллюзию на «древних Бардов» («Ihr Brief in dem erhabenen Barden Ton voll von Güte und Anhänglichkeit», письмо № 508). Если Оссиан и не упомянут здесь напрямую, то использование слова «бард» несомненно отсылает к нему. Таким образом, Оссиан становится здесь эталоном высокого стиля при описаниях мужской дружбы между героями. Наконец, в письме к принцу де Линю, говоря об одном ирландском офицере, служащем в России, Б. П. Ласси, Суворов называет его «соотечественником Фингала»:

«Я надеюсь, что офицер, о котором Вы говорите, соотечественник Фингала, доволен своей судьбой, так как он знает, что я делаю и буду делать для него все, что от меня зависит». (Письмо № 557, 25 декабря 1796 г.).

Через четыре года после публикации перевода Костровым Оссиана, остыв от впечатления после первого прочтения, Суворов использует имена Оссиана или Фингала просто как синонимы ирландцев, так же как давняя ссылка на «готдем» Фигаро служила Суворову для описания англичан.

Итак, Суворов был завзятым читателем и поклонником лучшей литературы своего времени, и мы можем лишь восхищаться разнообразием его интересов — от истории до трагедии (Вольтер в обоих случаях), а также комедии (Бомарше и Филдинг), басни (Лафонтен), поэзии (Оссиан), романа (Филдинг) и, наконец, философских трактатов (Фонтенель, Монтескье и Руссо). Такой широкий спектр характеризует его как читателя, идущего в ногу со временем и вместе с тем подчиняющего литературу своим вкусам, а не наоборот, вероятно, потому, что Суворов был прежде всего военным, а не писателем. В духе своего времени он выбирал книги для чтения и свободно цитировал по памяти, не опасаясь исказить текст, на который он

ссылается. Отказываясь от физической целостности цитаты, что было весьма смело для того времени, Суворов ее искажает, переиначивает, подчиняет своим намерениям. Если его чтение и носит современный характер, вкусы Суворова вряд ли отличаются тем же. Родившийся в 1730 г., полководец был воспитан на литературе классицизма, оставаясь глухим — или почти глухим — к сентименталистской эстетике, вошедшей в моду в конце века. Если Оссиан и позволяет примирить ее предромантический аспект со вкусами Суворова, то новый роман, например, очевидным образом остается ему чуждым. Огромным пробелом в переписке, конечно, является Стерн, хотя он и был переведен в России, в частности в журналах, начиная с 70-х гг. XVIII в. Ирония английского писателя главным образом получила развитие в «Тристраме Шенди», оставившем особый след у русских читателей начала XIX в. Тем не менее она присутствовала уже в «Сентиментальном путешествии», получившем признание гораздо раньше, и могла бы прийтись по душе Суворову и примирить его с новой эстетикой. По всей видимости, стерновская ирония появилась слишком поздно для него. В душе всегда молодой старик-Суворов, пришедший из другой эпохи, все больше и больше отдалялся от современной литературы, по мере того как приближалась смерть. Одно его пристрастие к образу Дон Кихота уже говорило о его ощущении непринадлежности к современности. Подобно герою Сервантеса, Суворов на старости лет не признавал свою эпоху и обращался к древним героическим временам. Последняя ссылка в его переписке относится не к литературе его времени, не даже к рыцарским временам, так любимым Дон Кихотом, а еще к более древним векам — к мифологии («...я ожидать буду посещения Парков ближе, нежели явиться Всемилосерднейшему Монарху!»⁵⁹).

⁵⁹ Суворов А. В. Письма. С. 383. Письмо № 681. 11 февраля 1800 г.